

УДК 316.48:159.9

*Е.В. Бакутцова, Т.К. Рулина***КОНФРОНТАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ДИСКУССИОННЫХ СООБЩЕСТВ
РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕКТОРА СЕТИ FACEBOOK¹**

В статье актуализируется социально-психологическая проблематика современной социальной виртуально опосредованной коммуникации. Приводится уровневая модель эскалации напряженности и агрессивности в условиях неосознаваемой провокативной манипуляции. Авторы анализируют конфронтационные установки, выступающие интенцией в сетевых дискуссиях, которые, какой бы теме ни посвящались, принимают триггерный характер, отражая непримиримый коммуникативный конфликт скрипторов. В работе проанализирован 1341 комментарий в 20 сетевых триггерных дискуссиях, посвященных истории, политике, экономике, этническим и гендерным отношениям, литературе и межнациональному взаимодействию, представлениям о будущем. В качестве субпозиций коммуникантов выступают такие маркеры деструктивных установок, как фрустрация, негативизм, обесценивание, депрессия, неприязнь, ненависть, зависть, оскорбления, враждебность, угрозы, троллинг, обособление, противоборство, экстремизм, шовинизм, дискредитация, втравливание, неистовство, ярость, обезличивание, провокация. Эмпирический анализ опирается на матричный подход (авторская категориальная матрица сетевых угроз), интент-анализ, факторный анализ, решая задачу выделения иерархии конструкторов групповых установок. Выявлены такие факторы, как дискредитация, включающая субпозиции обезличивания, шовинизма, оскорбления, неприязни, враждебности и фрустрации; фактор втравливания, включающий шкалы негативизма, провокации и фрустрации. Угроза реализации столь негативно насыщенных установок нивелируется третьим фактором – обособления, коррелирующего с враждебностью и завистью. Таким образом, скрипторы русскоязычного сектора Facebook обладают низкой деятельностной активностью, ограничиваясь выражением вербальной агрессии.

Ключевые слова: социальная сеть, конфронтация, установка, скриптор, агрессия.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-402-408

Введение

Современные сверхобщества, выступающие ориентиром и для России, столкнулись с тем, что сетевая социализация протекает в режиме изменений социокультурных норм, традиций и культурных мотиваций социальной активности. Быстрые и тотальные изменения приводят к утрате системного характера ценностных ориентаций и социальной адекватности. В этом контексте «наиболее тонким и уязвимым является психологический аспект социальных взаимодействий, так как он регулируется принципами и нормами социальной солидарности и культурной идентичности, подвергшимися катастрофической коррозии в период экстремальной модернизации общества» [13. С. 69].

Пределы психологической совместимости и сопричастности, ее мотивы и интенции регулируются в современном сознании общества кодами и каналами современной социальной коммуникации, ее уровнем социальных притязаний и спецификой оценочных критериев. Подлинная социальная солидарность и неконфронтационная идентичность не могут сформироваться, опираясь на психологические механизмы общественной саморегуляции эпох, ушедших в прошлое. Компромисс, достигаемый личностью между институционализированным социальным опытом и его индивидуальной интерпретацией, задает психологические рамки поведенческой способности и готовности к взаимодействию.

В рамках дискурсивной парадигмы социальное поведение интерпретируется как коммуникативная смыслообразующая активность [7]. Поэтому осмыслению здесь подлежат идеологические функции мышления. Эксперимент по изучению установок сетевых сообществ рассматривается в данном случае в качестве одного из возможных способов дешифровки значений языковой деятельности виртуального сообщества.

Инерционность национальных форм воспроизводства психики, вытеснение коллективистских эмоций в сферу рессентиментности, обывательский гедонизм личного существования, защитные механизмы вневходимости личности задают новую проблематику социально-психологического анализа [2]. В эпоху постмодернистского релятивизма социальные отношения мыслятся с позиций их практического смысла игры, который всегда субъектен и экстериорен, если «овнешняет» коммуника-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00171 А.

тивную практику. В ситуации социального кризиса как возбуждения витальных потребностей в российском социуме прежде всего актуализируются не христианские, а языческие ценностные системы (материализм, гедонизм, содомия) вопреки институционально навязываемым (толерантности и индивидуальной ответственности). Индивид способен избрать те социальные позиции, которые соответствуют его убеждениям и предпочтениям [8]. Данное положение совпадает с социально-когнитивным подходом Хьюсмана, «утверждавшего, что социальное поведение в целом и агрессивное поведение в частности находятся под контролем поведенческого репертуара, приобретаемого в процессе ранней социализации. Именно из него создаются сценарии – абстрактные когнитивные представления с типичными чертами критической ситуации» [9].

В сетевых коммуникациях индивид подвержен не осознаваемым им провокативным технологиям влияния. Слабая осознанность психологических девиаций приводит к незаметности для большинства людей онтологического принципа провоцирования как разновидности психологического заражения, являющего собой «передачу своего состояния или отношения к другому человеку или группе людей, которые каким-то образом перенимают это состояние или отношение» [15. С. 85]. В частности, Ф. Фарелли и Дж. Брандсма в разработанной ими провокативной терапии специально рассматривают хорошо всем знакомый «зеркальный эффект», внутреннее состояние потребителя информации уподобляется состоянию говорящего, что позволяет создать благоприятную психологическую основу для корректировки и регуляции психического состояния провоцируемого (потребителя информации) [16].

Теоретические аспекты

Сетевые дискуссии представляют собой благоприятную среду для исследования дискурсивного феномена, так как являются интерактивной спонтанной коммуникацией, с формальной точки зрения представляющей собой «разговоры внутри разговоров» и «разговоры о разговорах». По своей сути они представляют собой неограниченную платформу значений недоопределенной реальности, доопределение которой осуществляется в коммуникативных сообществах, их текстологическом и контекстуальном творчестве. В ситуациях идеологической провокации присутствует, как пишет В.Н. Степанов, элемент активного несогласия, протеста против неправильного, с точки зрения участников общения, поведения собеседника. Это влечет за собой вербальную агрессию, провоцирующую коммуникативный конфликт [5. С. 141]. Тема коллективной агрессии изучена в психологии основательно и многогранно [4; 10; 12; 14; 17], однако в сетевых коммуникациях ее письменное воплощение задает новые аспекты функционирования, до сих пор не получившие обоснованной научной экспликации. Предопределяющим фактором успешности корректировки и регулирования деструктивных групповых установок в триггерных дискуссиях является точность определения характера и силы экстремистски конфронтационных установок виртуальных сообществ.

Известно, что агрессия лишь одна из возможных реакций на негативные воздействия. В ситуациях опасности существует поведенческий репертуар, делающий агрессию не обязательным и тотальным, а всего лишь возможным свойством человеческого поведения. Агрессивное поведение «активизируется или подавляется тем эмоциональным переживанием, которое вызывается неблагоприятным событием» [9]. Агрессия обеспечивает адаптацию человека и необходима для удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности (депривации, фрустрации, неопределенности). Агрессия выступает релевантной реакцией только в ситуациях провокации агрессии и в норме исчезает после окончания действия стимула. В то же время она может наблюдаться достаточно длительное время и обнаруживаться «во враждебном, мстительном, завистливом, ревнивном отношении к объекту (стимулу)» [17. С. 5]. По словам И.А. Фурманова, «эмоциональное напряжение возникает, как правило, в ситуациях, которые вызывают страх, но исключают бегство; вызывают гнев, но делают невозможным его выражение» [17. С. 11]. Эмоциональное возбуждение может быть стеническим (негодование, гнев, ярость) и астеническим (уныние, упадок духа, одиночество, отверженность, обида, настороженность, тревожность и др.).

Не будем забывать, что мы выступаем наблюдателями и исследователями виртуальной коммуникации, вне реального взаимодействия и реальной угрозы физического воздействия. Осознанная саморегуляция поведения участниками триггерных дискуссий вполне могла быть направлена на выбор в ответ на провокативную агрессию других возможностей поведенческого (речевого) репертуара – ухода, бегства, превращения в шутку, «подстраивания» к собеседнику. Однако налицо пристрастие к приписыванию враждебности, которое систематически активизирует агрессивный сценарий и повышает вероятность

того, что из своего репертуара реакций индивид выбирает агрессивную. Как прозорливо отмечал Л.С. Выготский, «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [3. С. 22].

Дж. Капланом разработана теория о четырех стадиях кризиса конфронтации: 1) уровень первичного роста напряжения, стимулирующий привычные способы адаптации; 2) дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными; 3) еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних ресурсов; 4) если все попытки оказываются тщетными, то повышаются тревожность и депрессивность, появляются чувства беспомощности и безнадежности, дезорганизация личности и поведения (агрессивность) (цит. по [17. С. 9]). Мы предполагаем, что данная уровневая модель роста деструктивного напряжения подходит и для анализа триггерных дискуссий. Кризис может быть преодолен на любой из стадий, если находится возможность замещения (изменения) реакции агрессии, трансформации ее в конструктивную реакцию, снижения уровня тревожности превращением информации, скриптоимплантации нового смысла.

Материалы и методы

Для организации исследования по выявлению доминирующих факторов угроз в триггерных дискуссиях нами был проведен скрининг на материале групп и персональных страниц известных российских блогеров и публичных персон в социальной сети Facebook (N=20, проанализирован 1341 комментарий, из которых 83 % носят девиантный характер)².

²Каждая из анализируемых дискуссий длилась не менее 3-х суток и включала несколько или десятков, или сотен, или тысяч комментариев к основной публикации. В итоге анализу по схеме матричной кодировки угроз сетевых дискуссий подверглись следующие (расположены по мере убывания количества комментариев):

- публикация на личной странице Ю. Гилева, посвященная дню рождения Николая II 18 июня «Сегодня день рождения Николая II. Вот неполный перечень “достижений” его правления» (201 комментарий);
- публикация на странице Insider Russia от 15 июля «Фейк Валентины Матвиенко: усыновление детей однополыми парами – путь к вырождению человечества» (131 комментарий);
- публикация на странице «Усы Пескова» 3 августа «Какой-то ад происходит: велосипедист» (1200 комментариев, анализировались – 121);
- публикация в группе «Александр Проханов» 19 июля «Вчерашним вставанием в память как бы невинно убиенного Николая 2 депутаты от КПРФ предали все, ради чего совершалась революция...» (94 комментария);
- публикация на личной странице Р. Адагамова 4 августа «Как били того велосипедиста» (94 комментария);
- публикация в группе «Русские» 5 августа «Три обособленные социальные группы» (89 комментариев);
- публикация на странице «Открытые медиа. Cultrigger» 16 июля «Инициативная группа «Позитивный Татарстан» предложила изменить финал романа Льва Толстого “Анна Каренина”» (85 комментариев);
- публикация на личной странице М. Шевцова 3 июля «Доброе утро, предпенсионеры, недопенсионеры, пенсионеры и дожители» (81 комментарий);
- публикация на личной странице М. Шевцова 25 августа «Скажите мои друзья, какая стратегическая задача у нынешней России?!» (72 комментария);
- публикация на личной странице А. Григоряна 18 июля «Вчерашним вставанием в память как бы невинно убиенного Николая 2 депутаты от КПРФ предали все, ради чего совершалась революция...» (69 комментариев);
- публикация в группе «Русские» 28 августа «Эйпутинята, чего зашхерились?» (44 комментария);
- публикация в группе «Движение за права многодетных в России» 24 августа «“450 тысяч” теперь светятся в каждой “дыре”» (40 комментариев);
- публикация в группе «Александр Проханов» 5 августа «Сценарий гражданской войны» (39 комментариев);
- публикация в группе «Александр Проханов» 17 августа «Момент – для мягкой смены власти?» (стихотворение в честь летчиков, благополучно посадивших самолет) (35 комментариев);
- публикация в группе «Наш выбор В.В. Путин» 14 августа «Крымский мост сегодня» (33 комментария);
- публикация в группе «Диктатура трудящихся» 4 августа «Это что за зверь: велосипедист» (30 комментариев);
- публикация в группе «За социализм и социалистическое движение» 23 августа «М. Горбачев: “Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми”» (23 комментария);
- публикация в группе «Диктатура трудящихся» 16 августа «Раздвоение культа личности» (Б.Н. Ельцин) (20 комментариев);
- публикация в группе «Русские» 2 августа «Еще один из России любитель баварского. И откуда эта нечисть берется?» (20 комментариев);
- публикация в группе «Александр Проханов» 23 августа «Есть времена, а есть сроки. Есть признаки, а есть знамения. Сегодня Россия полна знамений» (20 комментариев).

Предметом исследования явились конфронтационные установки триггерных дискуссий русскоязычного сектора Facebook. Целью исследования является определение категориальных форм конфронтационных установок групповой агрессии и экстремизма и общественно опасной эвристики намерений. Анализ проводился на основе матричного подхода, интент-анализа и факторного анализа. Исследуемые переменные представлены в табл. 1 и описаны в статьях (коллективные страхи и ресентимент) [1]. Наибольшую важность с точки зрения общественной безопасности представляют такие переменные, как сепаратизм и терроризм. Мы разделяем понимание специфики данных феноменов, принятое в социальной социальной конфликтологии. Термин «сепаратизм» используется для обозначения теории, политики или практики отделения части территории государства для создания нового самостоятельного государства или получения статуса широкой автономии. Этот факт свидетельствует о нарушении «суверенитета, единства и территориальной целостности государства, принципа нерушимости границ и, как показывает опыт, может явиться источником острейших межгосударственных и межнациональных конфликтов» [6. С. 223]. Терроризм как стратегия экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) во взаимодействии социальных субъектов подчиняется сверхцели – уничтожить противника любыми насильственными средствами. Говоря о сепаратизме и терроризме в социальных сетях, мы не рассматриваем их как цель и результат деятельности отдельных организованных сообществ, призывающих к реальному угнетению этнических групп и народов, свержению власти и разрушению государства и общества. В условиях сетевой коммуникации скорее имеют место интеллектуальный сепаратизм и интеллектуальный терроризм как установки несогласия, конфронтации, вербального уничтожения собеседников, предмета обсуждения, контекста обсуждаемого явления, т. е. тотальное неприятие и дискредитация чужого мнения, а следовательно – общественного согласия. Опасность этих явлений состоит в том, что «отрепетированная» в сетевой коммуникации враждебность создает и закрепляет общественную деструктивность, необщность реальных групп.

Таблица 1

Матрица кодировки угроз сетевых дискуссий (конфронтации общественных установок)

Позиции скриптосообществ (феномены социальной деструкции)				
Коллективные страхи	Ресентимент	Агрессия	Сепаратизм	Терроризм
Субпозиции скрипторов (психологические маркеры социальной деструкции)				
фрустрация негативизм обесценивание депрессия	неприязнь ненависть зависть	оскорбления враждебность угрозы троллинг	обособление противоборство экстремизм шовинизм дискредитация встраивание	неистовство ярость обезличивание провокация

Интент-анализ – психолингвистический метод, который предполагает реконструкцию иллюкативного поля онлайн-дискуссии как цели и результата речевого акта, то есть намерения говорящего [11]. Для описания имплицитных моделей конфронтационных установок был использован факторный анализ, позволяющий выделить иерархии конструкторов-схем групповых установок.

Результаты и их обсуждение

Выявление конфронтационных установок (позиций и субпозиций) первично проводилось на материале дискуссионных текстов с помощью интент-анализа и матричной идентификации (табл. 2).

В качестве инструмента оценки была использована 22-шкальная матрица дискуссионных интенций. Результаты были обработаны с помощью стандартного пакета SPSS-14.

Рассмотрим содержание каждого фактора (шкалы, входящие в фактор, даны в порядке убывания факторных нагрузок до 0,5). Размещение интенций в мерности деструктивных субпозиций, вычисленных с помощью метода главных компонент, таково.

Первый фактор с дисперсией 21 %: дискредитация (0,865); обезличивание (0,812); шовинизм (0,733); оскорбления (0,698); неприязнь (0,620); враждебность (0,605); фрустрация (0,513).

Таблица 2

**Количественная нагрузка конфронтационных интенций комментариев
по всем дискуссиям (N=20)**

Позиции скриптосообществ (феномены социальной деструкции)																			
Коллективные страхи				Ресентимент				Агрессия				Сепаратизм				Терроризм			
Субпозиции скрипторов (психологические маркеры социальной деструкции)																			
фрустрация	негативизм	обесценивание	депрессия	неприязнь	ненависть	зависть	оскорбления	враждебность	угрозы	троллинг	обособление	экстремизм	шовинизм	дискредитация	встраивание	противоборство	неистовство	обезличивание	провокация
160	9	62	3	97	35	2	137	114	12	111	26	13	5	229	12	29	7	43	2

Конструкция фактора 1 акцентирует интенции интеллектуального сепаратизма (дискредитация, шовинизм). Скрипторы триггерных дискуссий, на какую бы тему дискуссии ни велись, преследуют цели отстройки или противопоставления себя оппонентам, что запускает механизмы агрессии (обезличивание, оскорбление), базирующиеся на почве неприязни, враждебности и фрустрации. Таким образом, фактор дискредитации превращает дискуссию в поле информационной войны независимо от реальной значимости темы.

Второй фактор с дисперсией 14,9 % представлен шкалами: встраивание (0,772); негативизм (0,680); провокация (0,589); фрустрация (0,532).

Фактор встраивания, характеризующий интеллектуальный сепаратизм, поддерживается коллективными страхами (негативизм, фрустрация) и носит провокативный характер (провокация). Именно второй фактор придает триггерным дискуссиям характер общественной угрозы, так как он порождает атмосферу конфронтации в форме оскорблений, угроз, троллинга.

Дескрипторы третьего фактора характеризуются отрицательной нагрузкой (дисперсия 12 %): обособление (-0,729), враждебность (-0,671), зависть (-0,520), свидетельствуя тем самым об отсутствии реальной активности конфронтационных установок.

Выводы

Сетевое сообщество (квазигруппа в ситуации триггерной дискуссии) – неоднородное общественное образование, скрипторы которого по-разному воспринимают информацию в силу вариативности личностных качеств, культурных норм и ценностей, что ведет к сплочению в случае формирования идентичных ориентаций (эхо-камера), разделению на несвязанные микросообщества в случае дискредитации доминирующих ориентаций (кризис) и окончательному распаду под влиянием управляемой энтропии.

Факторный анализ в качестве доминанты установок 20 сообществ выявил установку дискредитации, что свидетельствует о кризисе триггерных дискуссий, то есть об имманентности функционирования несвязанных микросообществ со слабой тенденцией сплочения в эхо-группы. Интеллектуальный терроризм определяет специфику модели дискуссионного общения как агрессивного единства всех интерпретаций.

Мобильность конфронтационных установок сетевых сообществ в ситуации триггерных дискуссий носит уровневый характер, определяемый в исследовании нагрузкой фактора как высокой, умеренной, низкой. Высокий уровень нагрузки установки встраивания поддерживается установкой на провокацию (0,589), высокий уровень дискредитации – установкой на обезличивание (0,880).

Интеллектуальный, идеологический сепаратизм, как и интеллектуальный терроризм, в информационно-психологической войне ориентирован в первую очередь на изменение эмоциональных установок людей и общества в целом в желаемом направлении. Психологическое заражение (опосредованное даже онлайн-коммуникацией) эмоциями ресентимента, коллективных страхов, агрессии провоцирует и может привести к поведенческой агрессии не только в политической, но и других, более индивидуализированных сферах жизнедеятельности человека и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакшутова Е.В. Проблема ресентиментозности этоса сетевой среды: социальная эпистемология сетевого ресентимента // Вестник СамГТУ. Сер. Психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (39). С. 19–35.
2. Категориальный анализ кризисности групповой самоидентификации (сепаратизм) в сетевых сообществах // Проблемы современного педагогического образования. Сер. Педагогика и психология. Сборник научных трудов. Ялта: РИО ГПА, 2018. Вып. 60. Ч. 3. С. 407–411.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 21–22, 357–358.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с. (Сер. Мастера социологии).
5. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
6. Гуджатуллаев Р.А. Сепаратизм и его последствия в условиях этнополитического конфликта // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157, кн. 1. С. 223–228.
7. ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
8. Кребер А. Природа культуры. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1008 с.
9. Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/2/10.htm>.
10. Лоренц К. Агрессия или Так называемое зло. М.: АСТ, 2017. 352 с.
11. Радина Н.К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ru) // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2238>.
12. Решетников М.М. Себя не убивает тот, кто не хочет убить другого: доклад на XIII Санкт-Петербургском саммите психологов // Психологическая газета [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/7574/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=1 (дата обращения: 25.08.2019).
13. Рулина Т.К., Бакшутова Е.В. За гранью социальности, но в плену интеракции // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общ. и науч. ред. д. ф. н. Е.В. Бакшутовой, д. п. н. О.В. Юсуповой, к. псх. н. Е.Ю. Двойниковой. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. Т. 2. С. 69–72.
14. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нонфикшн, 2019. 766 с.
15. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию СПб.: Речь, 2004. 256 с.
16. Фарелли Ф., Брандсма Дж. Провокационная терапия. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 228 с.
17. Фурманов И.А. Аффективно-динамическая модель агрессивного поведения // Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях: монография под науч.ред. И.А. Фурманова. Брест: БрГУ. 261 с. С. 5–20.

Поступила в редакцию 11.09.2019

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой психологии и педагогики

E-mail: bakshutka@gmail.com

Рулина Татьяна Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, научный консультант

E-mail: tatrul@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244, Главный корпус

E.V. Bakshutova, T.K. Rulina

**CONFRONTATIONAL ATTITUDES OF DISCUSSION COMMUNITIES
OF THE RUSSIAN-LANGUAGE FACEBOOK SECTOR**

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-402-408

The article actualizes the socio-psychological problems of modern socially virtual mediated communication. A level model of escalation of tension and aggressiveness under conditions of unconscious provocative manipulation is discussed. The authors analyze confrontational attitudes, which are the intention in network discussions, which, whatever the topic, are of a trigger character, reflecting the irreconcilable communicative conflict of the scriptors. The paper analyzes 1341 comments in 20 network trigger discussions on history, politics, economics, ethnic and gender relations, literature and interethnic interaction, and ideas about the future. Subpositions of communicants are such markers of destructive installations as: frustration; negativism; devaluation, depression, hostility, hatred, envy, insults, animosity, threats, trolling, isolation, confrontation, extremism, chauvinism, defamation, harassment, fury, rage, depersonalization, provocation. Empirical analysis is based on a matrix approach (the author's categorical matrix of network threats), intent analysis, factor analysis, solving the problem of identifying the hierarchy of constructs of group settings. Factors such as discrediting, including subpositions of depersonalization, chauvinism, insult, hostility, animosity and frustra-

tion, were identified; the factor of harassment, including scales of negativity, provocation and frustration, was revealed. The threat of such negatively saturated attitudes is offset by a third factor – isolation, correlating with hostility and envy. Thus, the scriptors of the Russian-speaking sector of Facebook have low activity, limiting themselves to expressing verbal aggression.

Keywords: social network, confrontation, installation, scriptor, aggression.

Received 11.09.2019

Bakshutova E.V., Doctor of Philosophy, Head of Psychology and Pedagogy department

E-mail: bakshutka@gmail.com

Rulina T.K., Candidate of Pedagogy, Scientific advisor

E-mail: tatrul@yandex.ru

Samara State Technical University

Molodogvardejskaya st., 224, Samara, Russia, 443100